

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ТРУДОВАЯ ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ И ТЕОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОЙ ПОЛЕЗНОСТИ: ОТ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ К АПОЛОГИИ ПРЕВРАТНЫХ ФОРМ

А. В. Бузгалин, А. И. Колганов

В XX в. широкой распространение получила теория предельной полезности, создавшая основание для отказа трудовой теории стоимости в научной и практической значимости. При этом, как ни парадоксально это звучит, теорию предельной полезности можно вывести из трудовой теории стоимости, пройдя всю цепочку восхождения от абстрактного к конкретному. В статье кратко обрисована цепочка выведения возможности и необходимости основных идей мейнстрима из логики «Капитала», сделан вывод о соотношении трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, обоснована необходимость фундаментального исследования современного рынка на основе марксистского анализа производственных отношений.

Повсеместное господство теории предельной полезности стало видимым основанием для отказа трудовой теории стоимости в научной и практической актуальности. Проблема кажется решенной раз и навсегда, однако авторы считают возможным и необходимым усомниться в этом. Причина непопулярности трудовой теории стоимости не в том, что строго и окончательно доказана ее теоретическая несостоятельность и практическая неплотворность.

Причина в другом — в объективной востребованности со стороны господствующих общественно-экономических сил иной научной парадигмы. Бизнесу (в широком смысле слова; строже, на языке марксизма, следовало бы сказать — капиталу) и всем тем агентам общественной жизни, которые принимают устанавливаемые им правила игры (а это все мы как агенты рынка: потребители, продавцы рабочей силы и т. п.), объективно необходимы, прежде всего, позитивные знания, позволяющие принимать наиболее эффективные с точки зрения рынка решения. Эту задачу и реализует так называемый мейнстрим современной экономической теории, выросший из теории предельной полезности.

Трудовая теория стоимости эту задачу, действительно, непосредственно не решает. Она решает другие теоретические и практические проблемы.

Какие именно? На этот вопрос авторы уже отвечали в опубликованной в «Вопросах экономики» статье об актуальности I тома «Капитала» для современной экономической

теории и практики [1]. В этом тексте нам хотелось бы продолжить свои размышления, сделав другой акцент.

Парадоксом (но только на первый взгляд) является то, что теорию предельной полезности можно вывести из трудовой теории стоимости, пройдя всю цепочку восхождения от абстрактного к конкретному. Эта дорога приведет нас к пониманию того, что на поверхности явлений стоимость в условиях зрелой, более того, вступающей в пору заката капиталистической системы, может и должна проявляться исключительно в превратной форме, создающей объективную видимость совершенного иного («превратного», «перевернутого») содержания. Истинным (в точном смысле слова) теоретическим отображением этого не случайно сформированного «перевернутого» содержания и является теория предельной полезности. Более того, именно марксистская методология и теория позволяют показать, как и почему в XX в. сформировалась объективная необходимость широкого распространения именно маржиналистского подхода и видимость его истинности.

Начать следует с того, что далеко не всякое общественное богатство, созданное трудом, является стоимостью. В рамках марксистской трудовой теории стоимости доказан тот факт, что стоимость — это специфическая общественная форма богатства, создаваемого трудом, характерная исключительно и только для товарного производства.

Соответственно, стоимость (во всяком случае, в рамках классической марксистской тео-

рии) есть одна из двух сторон товара. Товар же есть элементарное бытие («клеточка») системы отношений товарного производства¹.

Отсюда вытекает несколько следствий.

Первое. Стоимость в рамках классического марксизма есть, прежде всего, не некий экономический агрегат, помогающий соизмерить обменивающиеся продукты, учесть затраты труда. Стоимость есть экономическое отношение — объективное отношение, в которое люди вступают в условиях товарного производства, обмена и потребления. И лишь затем мы можем сказать: стоимость есть такое экономическое отношение, которое лежит в основе обмена товаров, что, в частности, делает их соизмеримыми.

Как таковая стоимость — и это второе следствие — есть одна из сторон системы отношений товарного производства, то есть специфической и с теоретической, и с исторической точки зрения экономической системы. К. Маркс многократно подчеркивал, что условием возникновения товара и товарных отношений является наличие, во-первых, общественного разделения труда (то, что стоимость есть воплощенный, овеществленный в продукте общественный труд, труд, осуществляемый в условиях общественного разделения труда, прямо подчеркнуто в «Капитале»). Во-вторых, условием существования товара является обособленность производителей или то, что Маркс назвал частным трудом. Это также абсолютно недвусмысленно подчеркнуто им в самом начале «Капитала», где он говорит, что только продукты частных, независимых работ становятся товарами.

В других общественных системах труд создавал и будет создавать общественное богатство, имеющее другую — нестоимостную — социально-экономическую природу и форму. В течение долгих тысячелетий человеческий труд создавал общественное богатство, но не создавал стоимость. В частности, производили свой продукт в условиях господства натурального хозяйства крестьяне (то есть большинство человечества) в большинстве стран мира на протяжении тысяч лет, вплоть до XX в. Так до сих пор производят значительную часть своего продукта сотни миллионов крестьян в странах третьего мира и даже в России. Так производят и будут производить свой продукт те ученые и художники, кто дарит его человечеству как общественное благо, не превращая свое творение в объект частной собственности.

Как же именно выводится трудовая теория стоимости?

В трактовке этой проблемы даже среди марксистов есть немало расхождений, но есть и некоторые инварианты, принятые всеми, кто судит об этом предмете не по учебникам и хрестоматиям. Для того чтобы их вспомнить, необходимо «всего лишь» воспроизвести основные шаги логики I раздела I тома «Капитала».

Исходный пункт — фиксация того, что исследуемый нами предмет есть мир товаров. Как мы уже заметили, это важно: мы тем самым ограничиваем наше исследование только данной системой.

Второй шаг — выделение двух сторон товара — потребительной стоимости (способности продукта удовлетворять некоторую общественную потребность) и меновой стоимости (способности обмениваться в некоторой пропорции на другой продукт). Здесь важно подчеркнуть: стоимость есть всего лишь одна из сторон товара и вне единства с потребительной стоимостью не существует. Этот тезис следует акцентировать.

Третий шаг — выведение стоимости как общественного отношения, делающего возможным и необходимым производство, обмен и потребление продуктов как именно товаров. Именно здесь лежит ключ к выделению труда как субстанции стоимости. Логика Маркса достаточно прозрачна. Он фиксирует то, что полезность продукта есть свойство всякой экономической системы, в которой есть хотя бы потребление. Следовательно, эта черта должна быть присуща товару, но она не может служить той *differentia specifica*, которая характеризует товарное отношение.

Не менее важно заметить, что создание трудом некоторого общественного богатства также есть свойство всякой экономической системы, в которой есть хотя бы производство. Следовательно, и эта черта должна быть присуща товару, но и она не может служить той *differentia specifica*, которая характеризует товарное отношение.

Специфика же товарного отношения состоит в том, что продукты производятся в условиях и общественного разделения труда, и обособленности производителей при наличии обеих противоположных сторон единого целого.

С последним следует разобраться предельно внимательно. Дело в том, что, во-первых, при отсутствии одной из сторон мы получаем либо натуральное производство (обособленность есть, общественного разделения труда нет),

¹ Этот тезис развит в работах Н. В. Хессина [3, 4].

либо плановое хозяйство (общественное разделение труда есть, обособленности нет). Во-вторых, одно из принципиальных различий трудовой теории стоимости и теории предельной полезности связано с тем, что именно только обмен или производство в широком смысле слова (в единстве собственно производства, обмена, распределения и потребления, соединенных в воспроизводственном процессе) кладется в основу исследования.

Сторонникам максимально свободного и полного развития рынка хорошо известно, что для этого необходимы некоторые объективные условия. Какие? Только возможность свободно продавать на рынке свою продукцию и покупать ресурсы по свободным ценам? Отнюдь. И идеология, и практика рыночных реформ в России 1990-х гг. показали, что этого мало. Первое и очевидное: для развития рынка необходимо развитое общественное разделение труда (общественный характер труда). Реверсивное развитие экономики, породившее в первой половине 1990-х годов мощную волну бартера и натурализации хозяйства, доказало, что забывать об этом нельзя. Для развития рынка нужна не только возможность обмена, но и производство, которое может и должно совершаться в условиях развитого разделения труда. С этим никто вроде бы не станет спорить, но есть один нюанс: выше в качестве практикой востребованного атрибута рыночной экономики был выделен особый тип производства, труда.

Второе условие развития рыночной экономики, выделенное нами выше вслед за Марксом — обособленность производителей и частный характер труда. Тяготеющие к мейнстриму теории эту формулу не признают. Однако либеральные экономисты-практики прекрасно знают: рыночной экономики не будет, если производитель (именно производитель, а не только продавец и покупатель) действует в условиях более или менее жестких ограничений его деятельности. Отсюда требования частной собственности (то есть концентрации экономической власти, в частности, решений что, как, для кого и т. п. производить, в руках частного лица, субъекта частного, независимого от других производства), невмешательства государства в производственную деятельность, демополизации производства (а не только торговли) и т. п.

В результате этого и складывается внешне парадоксальная ситуация, когда для того, чтобы сформировать рыночную экономику, и сторонникам, и противникам решения этой

задачи равно нужны теоретически достоверные знания о системном качестве, границах, специфике этой системы. А это знание дает только исследование ее производственных отношений. Не случайно поэтому на заре борьбы капитала за место под солнцем теории этой системы делали акцент на тех же параметрах, что сторонники рыночных реформ в России 90-х гг. XX в. Не случайно первые стали основоположниками трудовой теории стоимости, а вторые проводили последовательный курс на либерализацию и приватизацию. Подчеркну: первая предполагала не только объявление свободы торговли, но и — главное — слом системы планового контроля за производителем. Вторая — установление частной собственности во всей системе общественного воспроизводства, а отнюдь не только в сфере торговли, причем частной собственности не только как юридической формы, но и как системы отношений, обеспечивающих реальную обособленность частных производителей.

Итак, товарное производство предполагает общественное разделение труда, то есть полную зависимость производителей друг от друга, и, в то же самое время и в том же самом отношении — их обособленность, то есть полную независимость друг от друга. Такова практически достоверная теоретическая модель товарной экономики. Как же разрешается (и вместе с тем, естественно, воспроизводится) это противоречие? Очень просто. Действительно независимый ни от кого производитель создает на свой страх и риск некий продукт (обособленность), предназначенный для другого члена общества (общественное разделение труда), и выходит на рынок, где он сталкивается с такими же производителями и потребителями, также производившими свои товары независимо, но ориентируясь на общественные (не свои личные) потребности. И далее лишь стихийное (в исходном пункте изучения рынка все — и Маркс, и Маршалл, и их последователи абстрагируются от всяческих его ограничений), от воли и сознания никого из агентов не зависящее взаимодействие продуктов этих работ приведет к тому, что часть из них будет обменена в некоторой пропорции на другие, часть так и останется нереализованной, причем для одних эта пропорция окажется более выгодной, для других — менее. Далее все они опять уйдут с рынка и опять на свой страх и риск начнут производить те же (или иные — рыночная экономика в отличие от патриархальной предпочитает инновации) продукты, предназначенные для реализации

неизвестно в точности каких именно общественных потребностей.

Следствием признания того факта, что стоимость есть общественное отношение, является сделанный выше жесткий вывод: стоимость нельзя сосчитать. Она принципиально не поддается квантификации.

Этот тезис выглядит, возможно, неожиданно для тех, кто никогда всерьез не изучал «Капитал» или забыл об этом, но это именно так. Именно для этих читателей Маркс в свое время заметил, что стоимость тем и отличается от известной вдовицы, что ее нельзя «пощупать», сосчитать. Сосчитать, непосредственно увидеть можно только форму стоимости, в частности, цену товаров. Но она так же отличается от стоимости, как одежда женщины от того, что скрыто под ней (совпадение в обоих случаях возможно, но только как исключение). Если оставить шутки в стороне, то раскрытие этого следствия — а оно принципиально важно — потребует от нас исследования субстанции, содержания и формы стоимости, исследования, доведенного как минимум до выведения денег и феномена цены (а эта категория в «Капитале» — в отличие от «Экономикс» — не постулируется, а строго выводится).

Мы остановились на том, что стоимость товара есть общественное отношение, предполагающее, что имеющие стоимость товары производятся в условиях общественного разделения труда и обособленности производителей. Способом признания общественной необходимости товаров — продуктов обособленных частных работ — являются на поверхности явлений акты купли-продажи. Сама же стоимость есть нечто более сложное — это тот «общественный иероглиф», та скрытая общественная сущность, которая определяет меру общественной необходимости всех тех продуктов, которые были признаны на рынке как товары (были проданы и куплены). Сам рынок при этом автоматически определяется как система отношений (соответственно, и факторов, «правил» и т. п., их обеспечивающих) обмена, признания общественной необходимости продуктов обособленных частных работ.

Чем же может определяться эта общественная необходимость товара, формирующаяся в процессе разрешения реального противоречия, осуществления реального отношения и так выведенная Марксом, отобразившим в системе категорий 1 главы I тома «Капитала» этот объективный процесс? Тем, что он в определенной мере удовлетворил чью-то потребность и, следовательно, затраченный на его

создание труд в некоторой мере (она зависит от пропорции обмена) оказался общественно необходимым. Первый аспект обуславливает наличие общественной потребительной стоимости товара. Второй — общественно-необходимого труда, воплощенного в товаре; точнее — овеществленного в товаре, ибо товар — это вещь. Последнее и есть стоимость как одна из сторон товара — «клеточки» того, что сейчас принято называть рыночной экономикой.

Подчеркнем, что не весь реально затраченный на производство товара труд есть субстанция стоимости, а лишь тот, что оказался общественно необходимым в той системе пропорций, каковая реально сложилась на рынке и каковая в основе своей определяется структурой производства.

Именно эта стихийно складывающаяся за спинами производителей система пропорций конкретных видов труда и их затрат (проявляющаяся в системе определенных пропорций обмена на рынке) и определяет в своей основе то, какая часть труда, воплощенного в том или ином продукте, окажется востребована системой общественного воспроизводства. Этот востребованный, общественно необходимый труд и есть субстанция стоимости, что Маркс выводит из анализа реального процесса взаимодействия обособленных производителей. «Увидеть», «пощупать», сосчитать эту общественную субстанцию невозможно по определению. Если бы это могло произойти, то мы бы получили сознательно организованное непосредственно общественное производство, то есть очевидно не-рыночную экономику.

Другое дело, что конкретные пропорции обмена товаров обязательно непосредственно, практически определимы: их знает, уходя с рынка, каждый продавец и покупатель. Если вы продали пару произведенных вами башмаков и купили двух поросят, то это значит, что стоимость этих башмаков равна... двум пороссятам. И иначе ее не измеришь. И ни в чем другом, кроме как в пороссятах, воплощенный в произведенных вами башмаках общественный труд не проявляется. Иными словами, если говорить о количественной стороне, то стоимость определенного товара внешне выражается в определенном количестве

Если мы рассмотрим многоотраслевую модель с массой производителей в каждой отрасли, то это ничего не изменит. Реально осуществленные среднеотраслевые затраты труда будут так же далеки или близки (причем неопределенно далеки или близки) от общественно необходимых, как и затраты труда одного-

единственного башмачника в приведенной выше простейшей модели.

Впрочем, все это Маркс неоднократно показывал и доказывал в своих спорах с Прудоном и иными — им несть числа — калькуляторами пропорций справедливого обмена. Подчеркнем: последнее не означает, что обмен продуктов не может производиться по некоторым правилам, которые общество считает справедливыми. Если такой обмен кто-то попытается производить в условиях товарного производства, то есть обособленности производителей, то рынок быстро поставит его на место, доказав, что здесь все должны играть только по правилам свободной торговли. Если же эти правила (пропорции) «справедливого обмена» будут сознательно диктоваться участникам обмена обществом, то это будет не рынок, а непосредственно общественная организация производства.

Как мы показали выше, стоимость может проявить себя только в процессе обмена, где и выявляются доступные любому рыночному агенту (и любому исследователю, даже не вооруженному таким важнейшим «прибором» научного труда, как абстракция, а еще лучше — метод восхождения от абстрактного к конкретному) черты товарного отношения. Тому, как в реальном процессе взаимодействия товаров проявляются их сущностные основы, и посвящен один из самых важных разделов «Капитала» — параграф «Форма стоимости». В нем раскрывается едва ли не самая главная «тайна» трудовой теории стоимости. Именно здесь Маркс показывает, что проявиться в реальной жизни, обрести форму, стоимость может только через потребительную стоимость другого товара. Что воплощенный в товаре абстрактный труд может проявить себя только через конкретный труд товара-эквивалента (конкретного труда по выращиванию поросят, на которых вы обменяли башмаки). Что ваш труд имеет общественное признание только в той мере, в какой его продукт оказался нужен другому частному лицу, который согласился отдать продукт своего частного труда в обмен на продукты вашей деятельности¹.

Таким образом, стоимость получает определенность такого общественного отношения, в котором в продуктах труда обособленных производителей овеществляется определенная мера общественно необходимого абстрактного труда. Эта мера проявляет себя в определенной

пропорции обмена данного товара на другой и может быть выражена только в потребительной стоимости другого товара-эквивалента. Тем самым абстрактный труд оказывается чем-то существенно большим, нежели некоторые затраты труда вообще. И уж тем более он не является средними затратами труда на производство данного товара.

Абстрактный труд как категория, которую ученый (впервые — Карл Маркс) выводит путем исследования действительного процесса развертывания и разрешения противоречий товарного производства, а не конструирует формально-логически (как то, что поддается квантификации), определяется следующим образом. Это та практическая, самим реальным процессом товарных отношений порождаемая абстракция общественно необходимого труда, которая существует только как действительно сложившееся соотношение различных конкретных видов деятельности, при котором они получили общественное признание в процессе обмена. И уж тем паче они не равны никаким индивидуальным (или даже среднеотраслевым) затратам конкретных видов труда.

Подводя промежуточный итог наших размышлений, зафиксируем: трудовая теория стоимости не конструируется Марксом как один из более или менее удобных способов исчисления и соизмерения затрат. Последнее наиболее типично для многих сторонников трудовой теории стоимости, особенно из числа тех, кто исходит в своей методологии либо из естественно-научных аналогий, либо из приоритета математических методов исследования, когда все то, что не квантифицируется, не существует. Теория Маркса принципиально иная. Перед этим ученым задача «сосчитать» стоимость не стоит в принципе. Более того, своей работой он показывает, что ее вообще не нужно и не правильно ставить, ибо сосчитать стоимость в принципе невозможно, что он и доказывает в «Капитале».

Для критиков марксовой экономической теории этот вывод оказался кстати. Поскольку общепринятая в их среде (да и вообще господствующая вот уже более века в общественных науках) методология позитивизма с ее акцентом на количественных методах анализа априори квалифицирует такую (делающую невозможной квантификацию) теорию бесплодной и бездоказательной, постольку марксистская политическая экономия, с их точки зрения, сама себя обрекла на «изгнание из храма».

«Классические» марксисты к этому отнеслись спокойно, понимая, что принципиальное

¹ Анализу потребительной стоимости как результата труда особого рода посвящены работы Р. Т. Зяблюк.

различие методологий неоклассики и марксизма есть корень различий теоретических. Однако те из сторонников марксизма, кто оказался не способен противостоять методологии мейнстрима или был искренне убежден в ее истинности, оказались в очень сложном положении и предприняли попытку решить проблему путем «улучшения» марксизма вообще и трудовой теории стоимости, в частности, путем формализации и математизации марксовыкладок.

Итак, мы зафиксировали, что трудовая теория стоимости (и это специально подчеркивал сам Маркс) является предельной, глубинной абстракцией системы экономических отношений товарного производства, развивающейся в отношении наемного труда и капитала. Вне системы категорий «Капитала», как теория «ценности вообще» она не работает. Стоимость есть исторически конкретная категория.

В соответствии с методом Маркса путь от категории стоимости до поверхности непосредственных экономических действий далек. Начав этот путь, мы вслед за Марксом показали, что трудовая теория стоимости предполагает исследование двойственного характера труда, единства и противоположности стоимости и потребительной стоимости (как мы уже заметили, марксизм — это трудовая теория не только стоимости, в основе которой лежит общественный абстрактный труд, но и потребительной стоимости, в основе которой лежит частный конкретный труд). Далее мы показали значимость исследования формы стоимости, открывающей, в частности, дорогу к выведению денег, и здесь мы остановились.

Теперь же пойдём далее. Следующий важнейший этап исследования — деньги как мера стоимости. Именно в деньгах стоимость обретает свою адекватную форму и меру. Но здесь начинаются новые проблемы и тонкости.

Во-первых, анализ функции денег как меры стоимости позволяет вывести феномен цены — денежного выражения стоимости товара. Но цена как форма оказывается подвержена влиянию спроса и предложения, колебания которых обуславливают являющиеся правилом отклонения цен от стоимости. Так, в I томе «Капитала» появляются категории спроса и предложения, их колебания и т. п. функциональные связи, которые (в отличие от движения самой стоимости) уже могут стать объектом моделирования. В принципе, в качестве иллюстрации Маркс мог бы в 3 главе I тома «Капитала» описать и выделить кривые спроса и предложения и феномен равновесной цены.

Выведение этих параметров в этом случае, естественно, будет иным, чем у маргиналистов, но сами феномены могут получить свое отображение.

Этот вывод и это дополнение марковского исследования уже давно не секрет для марксистов. Для нас же здесь важно то обстоятельство, что стоимость имеет лишь косвенное выражение в цене. Более того, поскольку товарный фетишизм находит свое последовательное воплощение в фетишизме денег, постольку в товарно-денежном хозяйстве не может не развиваться фетишизм цены. Цена есть та форма стоимости, которая принципиально отлична от содержания и отчасти создает видимость иного содержания — того, что стоимость (здесь правильнее было бы использовать другой русский аналог *value/wert* — ценность) зависит от конъюнктуры рынка. Эта видимость обусловлена не ошибочным теоретическим представлением о цене, а практикой, где единственно эмпирически данное бытие стоимости — цена — действительно зависит от соотношения спроса и предложения. Отражающий (в силу неслучайной приверженности позитивистской методологии) исключительно это эмпирически данное объективное положение дел ученый не только может, но и должен зафиксировать эту связь и постараться построить ту модель, которая адекватно отобразит функциональные связи, обуславливающие определенные параметры движения цен и влияющие на эти функции параметры. Так, в «Капитале» делается второй шаг к объяснению, почему и какая именно позитивная теория функционирования рынка может и должна быть создана адептами рыночной системы.

Во-вторых, деньги, выполняя функцию средства обмена, могут, как известно, быть замещены некоторым знаком денег-золота. Отсюда еще одна линия фетишизации и рождения форм, создающих видимость иного содержания отношения «стоимость», нежели то, что лежит в основе системы отношений товарного производства. Деньги как всего лишь мимолетный посредник обмена выполняют свою функцию не как золотой товар, имеющий реальную стоимость (овещенный в золоте абстрактный общественный труд), а как всего лишь знак этого товара. Главное условие выполнения этой функции — не качество, субстанция этого знака (бумажных или иных заместителей золота) как товара, имеющего стоимость — для денег-бумаги это как раз не играет существенной роли, — а его количественная определенность (как сказал бы Гегель — «опреде-

ленное количество»). Здесь важно «всего лишь» соответствие количества (номинала) денег в обращении сумме стоимостей товаров, включенных в данный воспроизводственный процесс. Отсюда неслучайное выведение Марксом формулы количества денег в обращении. Более того, отсюда вытекает объективная возможность возникновения количественной теории денег. Эта возможность превращается в действительность там и тогда, где и когда возникает объективная заинтересованность в этой теории. В результате на стыке либеральной монетарной политики и востребованной ею теории рождается «уравнение Фишера».

Следующие шаги в развитии трудовой теории стоимости связаны с генезисом и развертыванием такого производственного отношения, как «капитал». Анализ денег и всеобщей формулы капитала создает предпосылку для выведения из трудовой теории стоимости нового важнейшего отношения — отношения создания наемным трудом и присвоения капиталом прибавочной стоимости — отношения эксплуатации. Здесь существенна двоякая теоретическая связь, отображающая реальную диалектику производственных отношений «рыночной экономики».

С одной стороны, К. Маркс на основе анализа законов развития товарного отношения (в единстве стоимости и потребительной стоимости товара) строго теоретически выводит то, что в условиях генезиса капитализма происходило и происходит в массовом порядке практически: товар превращается в деньги, а деньги в капитал. Посему трудовая теория стоимости неизбежно и органично вырастает в теорию прибавочной стоимости.

С другой стороны, важнейшим теоретическим доказательством теории эксплуатации является именно трудовая теория стоимости в ее полной определенности, включая теорию двойственного характера труда, потребительной стоимости и стоимости, денег как товара особого рода и т. д.

Для доказательства факта совершения прибавочного труда и его присвоения капиталом, осуществляющихся в рамках соблюдения законов товарного производства, Маркс должен был показать, во-первых, специфику стоимости товара «рабочая сила» (общественно необходимый абстрактный труд, затрачиваемый на воспроизводство этого специфического товара и овещенный в нем) и потребительной стоимости этого товара (способность создавать в процессе труда стоимость, большую, чем его собственная). Во-вторых, Маркс мог и должен

был использовать теорию двойственного характера труда для того, чтобы показать, как именно происходит одновременный процесс переноса стоимости постоянного капитала на конечный продукт и создание новой стоимости. Тем самым именно теория двойственного характера труда служит важнейшим основанием для доказательства неправомерности теории факторов производства, предельной производительности.

Раз возникнув, капитал обретает свои собственные новые законы движения, развивающие закономерности товарного производства. Деление капитала на постоянный и переменный, анализ воспроизводства капитала, выделение процесса обращения и деления капитала на основной и оборотный подводят Маркса вплотную к выведению закономерного превращения прибавочной стоимости в прибыль. Это один из интереснейших шагов в «Капитале». Но для наших размышлений он особо важен: здесь происходит трансформация содержания (отношения создания и присвоения прибавочной стоимости) в форму, причем форму превращенную («превратную», то есть не только трансформирующую, но и как бы переворачивающую содержание форму). Прибыль в теории Маркса становится той превратной формой, которая объективно создает видимость иного, чем действительное, содержания.

Прибыль как превратная форма не только есть, «бытийствует», эмпирически дана, но и должна быть: в процессе воспроизводства, оборота капитала прибавочная стоимость действительно становится прибылью как результатом функционирования всего капитала, хотя прибавочная стоимость как таковая создавалась и создается только наемным трудом. Здесь вновь складывается та же ситуация, что и со стоимостью: прибавочная стоимость есть объективный реальный феномен, производственное отношение, но ее так же нельзя «пощупать», как и стоимость. Эта та объективная реальность, которую можно «увидеть» только при помощи особого научного инструментария — метода восхождения от абстрактного к конкретному. Уместно напомнить хорошо известную аналогию с микроскопом, без которого нельзя увидеть даже инфузорию туфельку, не говоря уже о вирусе или гене. Не вооруженный специальным инструментарием ученый «не видит» некоторых объектов и абсолютно честно и искренне заявляет, что их нет. Зато он без всякого инструментария видит то, что дано эмпирически, и столь же честно заявляет, что это есть.

Маркс тем самым показывает основы возникновения и развития очередного теоретического блока мейнстрима: теории факторов производства, предельной производительности. Они могут возникнуть как отражение превратной формы — действительного процесса функционирования капитала, порождающего прибыль. Этот теоретический блок должен возникнуть, ибо он адекватно отражает интересы тех, кто «заказывает музыку» в экономической науке.

Если же вспомнить теорию заработной платы Маркса, то здесь автор «Капитала» раскрывает еще один аспект движения от содержания к превратным формам, показывая, как и почему стоимость и цена рабочей силы превращаются в заработную плату, и как эта объективно существующая форма создает видимость превратного содержания — того, что наемный рабочий продает труд и получает за него плату. Превратная форма «зарплата» как бы (здесь термин-симулякр «как бы» значим) наводит морок на работника и на работодателя, и на исследователя, формируя фиктивное содержание, когда кажется, — намеренно повторю! — что суть отношения наемного работника и капиталиста в том, что первый продает товар «труд» в обмен на заработную плату — плату за этот труд. Что, следовательно, это всего лишь обмен эквивалентов и никакой эксплуатации здесь нет. Сложность здесь состоит в том, что обмен товарами между капиталистом и рабочим — это действительно обмен эквивалентов, что показал, в частности, и Маркс. Но эта эквивалентность — не более чем реально существующий морок, ибо на самом деле продается не труд, а рабочая сила — особый товар, стоимость которого всегда меньше, чем та, что этот товар создает в процессе его потребления капиталом.

Так происходит серия продвижений на пути от стоимости к превратным формам рынка.

Едва ли не наиболее сложный шаг, весьма близкий к завершающей стадии трансформации, — это формирование средней прибыли и цены производства. На протяжении всего XX в. и донныне по этому поводу ведется напряженная полемика, связанная с так называемым противоречием между I и III томами «Капитала» (в зарубежной литературе — проблемой трансформации). Проведенный выше краткий экскурс в логику I отдела I тома «Капитала» напомнил, как эта проблема решается в классическом марксизме. Там этот гордиев узел разрубается: показав, что стоимость не есть средние затраты конкретного труда

(труда в некоторой отрасли), мы ставим под сомнение само наличие расхождений в количественной определенности стоимости и цены производства. Это просто теоретически разные и не сопоставимые между собой феномены.

Сказанное в полной мере соотносится с так называемым «законом стоимости». Его часто трактуют так: дескать, в условиях товарного производства продукты продаются и покупаются по стоимостям, которые равны средним общественно-нормальным затратам труда. Между тем, закон стоимости отнюдь не предполагает, что товары продаются по их стоимости. Более того, этот закон предполагает, что товары, как правило, не продаются в соответствии с их стоимостью, что рыночные цены товаров обычно отклоняются от стоимостей, совершая колебания, лишь в среднем, в сумме этих колебаний, тяготея к величине стоимости.

Механизм формирования цен производства является конкретным механизмом отклонения цен от стоимости, причем механизмом, не нарушающим в среднем тяготение общей суммы цен товаров к их стоимости, а лишь перераспределяющим затраты труда в результате межотраслевой конкуренции в зависимости от отраслевых различий в уровне органического строения капитала (есть и другие механизмы отклонения цен от стоимости, в частности, механизм образования земельной ренты).

Следует заметить, что цена производства может быть представлена не только как нечто, не равное стоимости, но и как частный случай стоимости. Закон стоимости действует и применительно к цене производства, если учитывать, что понятие общественно необходимых затрат труда в капиталистическом производстве приобретает более конкретную модификацию. Здесь общественно-необходимыми признаются не просто средне-нормальные затраты труда, обеспечивающие соответствие спроса и предложения (то есть равенство совокупных затрат труда на обмениваемые массы товаров), а такие затраты, при которых продажа товаров приносит равновеликие прибыли на авансированный капитал путем создания избытка предложения в отраслях с низким органическим строением капитала и дефицита предложения — в отраслях с высоким органическим строением, при обеспечении лишь суммарного соответствия спроса и предложения на рынке.

Впрочем, так просто уйти от проблемы, обсуждаемой более столетия, конечно же, нельзя: мы лишь отметили возможный путь поиска ее решения. К тому же нельзя не отметить, что полемика по проблеме трансформации дала

немало новых интересных теоретических разработок и позволила нащупать немало узких мест в марксовской теории товарного производства.

Для нас же это превращение интересно тем, что оно выводит на первый план одну из самых сложных и — что греха таить — пока не решенную до конца в марксизме проблему взаимосвязи законов содержания системы и механизмов функционирования ее превратных форм.

У авторов, к сожалению, в кармане нет готового ответа на этот вызов. Есть некоторые тексты, в которых содержится ряд гипотез, но не более того. Впрочем, в отличие от авторов, у Маркса при всей незавершенности III тома его основного труда есть немало весьма продуктивных моментов, показывающих, как именно происходит такая трансформация стоимости в совокупность ее превратных форм, одной из которых и является цена производства. Далее следует рыночная стоимость и рыночная цена...

Вот здесь Маркс остановился, не успев продолжить свою работу.

Через некоторое же время господствующей стала теория предельной полезности, обретающая все новые и новые оттенки и аспекты.

Почему это произошло? С точки зрения марксизма — по вполне понятной причине. Зрелая «рыночная экономика» (можно сказать — капиталистическая система производственных отношений) в процессе воспроизводства порождает господство превратных форм. В этой системе, завершившей свой генезис и стабильно функционирующей на собственной основе, все ее основания ушли в глубину, не видны, скрыты многочисленными напластованиями воспроизводящих и множащих самих себя превратных форм. В результате этих многочисленных напластований и складывается объективная система некоторых механизмов функционирования рынка, где непосредственно взаимодействуют только отдельные субъекты, осуществляющие определенные трансакции, зависящие от их собственных решений и некоторых эмпирически данных параметров (например, количества денег в обращении и др.), эндо- и экзогенных для рынка. Ничего другого на поверхности устойчиво воспроизводимой рыночной экономики просто нет. Здесь стоимость предстает только как цена, причем цена, зависящая от параметров и отраслевой, и межотраслевой конкуренции, спроса и предложения, деньги — как всего лишь агрегат, количество которого должно не превышать определенных объемов, прибавоч-

ная стоимость — только как прибыль (причем многократно перераспределяемая в силу многоплановых форм конкуренции), а наемный труд озабочен только максимизацией заработной платы (еще одна превратная форма).

В результате складываются необходимые и достаточные предпосылки для формулирования и признания всех основных слагаемых сегодняшней доктрины мейнстрима. Так логика «Капитала» показывает причины и содержание тех превратных форм, которые могут и должны отображаться теориями тех авторов, кто сознательно или бессознательно исследует именно и только эти эмпирически данные формы¹.

При этом субъективно экономисты *mainstream*'а вроде бы как и не виноваты в том, что они ведут именно такие исследования. Непосредственно здесь действует обратная описанной выше связь. Теоретики искренне считают, что они так работают не потому, что им за это платят, а им за это платят потому, что они создают полезные для практики знания (отсюда столь большая популярность методологии прагматизма). Самое любопытное заключается в том, что эти экономисты правы: в условиях стабильно функционирующей экономики полезную для агентов рынка информацию, информацию, в основном адекватно отражающую практику, можно получить прежде всего на основе теоретического фундамента мейнстрима. Это действительно адекватное научное отражение действительных механизмов функционирования превратных форм. Такие формы можно и должно отражать именно на основе этого теоретического и методологического багажа. Иначе теоретик получит и передаст заказчику знание не о путях повышения прибыли, а об условиях отмирания капитала.

Другое дело, что для того чтобы правильно отражать механизмы функционирования превратных форм как таковых, как истины в последней инстанции, а не как мистификации, мейнстрим должен создавать мнимый теоретико-методологический фундамент. Подобный фундамент опять же точно и истинно отражает некоторое содержание — но это фиктивное, «наведенное» превратными формами (так, как

¹ Несколько иной вариант решения проблемы связи «Капитала» и основных положений современной микроэкономики предлагает А. В. Сорокин, стремящийся вывести многие микроэкономические параметры из различных разделов «Капитала», считая, что едва ли не каждая значимая категория марксистской политической экономики капитализма есть глубинное основание более или менее соответствующей ей микроэкономической категории [2].

ведьмы наводят морок) содержание. Таким «наведенным» содержанием-морокком и является теория предельной полезности.

Вместе с тем следует подчеркнуть еще раз: теория предельной полезности — это не теоретическая фикция. Это теоретически истинное и практически полезное (для агентов рынка) отражение действительно существующего превратного содержания, созданного миром превратных форм, господствующих в экономической жизни рынка и определяющих основные механизмы и формы его функционирования.

Кроме того, не забудем и о том, что люди в экономике — это не только агенты рынка, даже если эта экономика рыночная. Поскольку же на самом деле мир, в котором мы живем, это не просто рыночная экономика, а система производственных отношений капитализма, постольку в ней действуют и более сложные, глубинные законы и процессы, обуславливающие более сложную, нежели «подороже продать и подешевле купить», систему социальных интересов. И эти интересы, равно как и диалектический метод, позволяют обнажить более сложные, содержательные процессы, доказав, что исследования *mainstream*'а — это характеристика именно и только превратных форм, создающих видимость наличия некоторого фиктивного, «наведенного» содержания, говорящего, что экономика — это взаимодействие преследующих свои эгоистические цели рациональных индивидов, а в основе ценности лежит исключительно предельная полезность.

Тем самым теория предельной полезности отражает действительную закономерность рынка — продавцы и покупатели выходят на него с уже сложившимися индивидуальными трудозатратами, и стремление получить эквивалент этих трудозатрат и составляет основу их «индивидуальных предпочтений».

Правда, далее мейнстрим утверждает, что уже сама установившаяся в результате столкновения индивидуальных предпочтений равновесная цена определяет количество обмениваемых друг на друга товаров, то есть объем реального спроса и предложения на рынке (хотя дело обстоит ровно наоборот — при том, конечно, что сложившийся уровень цен влияет на последующие решения об объемах производства тех или иных товаров). Как это сочетается с либеральной свободой — подчинение экономических решений всех индивидов тем ценам, которые сформировались как независимый от каждого из них результат столкновения всей суммы индивидуальных предпочтений — мейнстрим уже не объясняет, но «это детали».

Здесь мы можем поставить если не точку, то многоточие: цепочка выведения возможности и необходимости основных идей *mainstream*'а из логики «Капитала» нами кратко обрисована. Посему несколько слов в заключение

* * *

В заключение нам хотелось бы вернуться к проблеме фундаментальной значимости трудовой теории стоимости. Позволим себе в связи с этим только одну ремарку, связанную с вопросом об исторических и теоретических границах рынка¹. Марксова трудовая теория стоимости как часть общей теории товарного производства указывает на то, что последнее есть исторически и теоретически ограниченная система, имеющая свое начало и конец. Вот почему для того чтобы понять закономерности генезиса, развития и заката системы отношений товарного производства и обмена, надо анализировать не функциональные связи спроса и предложения, а нечто иное, а именно — противоречие потребительной стоимости и стоимости, двойственный характер труда, лежащего в основе товара. Только этот анализ покажет, как, где и почему коллективный труд в рамках натурального хозяйства сменяется частным трудом обособленного производителя, действующего в условиях общественного разделения труда, а этот труд может смениться всеобщей творческой деятельностью *homo creator*'а.

Если же говорить о соотношении трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, то мы можем сделать следующий вывод: первая показывает глубинные основы отношений товарного производства, исторические и теоретические границы этой системы, ее природу, тогда как вторая выводится из первой через сложную цепочку опосредований и указывает на фиктивное (как бы «наведенное») содержание действительно существующих превращенных форм — определенных функциональных зависимостей в соотношении спроса, предложения и т. п. Соответственно марксова теория нужна «лишь» для того, чтобы исследовать природу и границы товарной экономики;

¹ В последние десятилетия развитие информационной революции, рост многообразия экономической жизни, развитие творческого содержания труда (человеческого и социального «капитала») и феномены «ограниченно-рационального» поведения, теоретико-методологическая критика микроэкономических оснований неоклассической теории и ряд других причин побудили экономистов, принадлежавших к мейнстриму, постепенно начать искать выходы за пределы прежней аксиоматики, что само по себе знаменательно.

для анализа функциональных зависимостей спроса и предложения она, действительно, не нужна.

Изюминка, однако, заключается в том, что нынешний рынок уже подошел к своим границам, и для того, чтобы понять, кто, как и почему действительно определяет не столько цены, сколько закономерности эволюции сов-

ременного рынка, нужно анализировать, прежде всего, его сущность. И вот здесь оказывается востребован марксистский анализ проблем обособленности производителей (которая подрывается «рыночной властью» ТНК), типа и природы новой сетевой модели разделения труда и много, много другого — но это уже предмет совсем другого текста.

Список источников

1. Бузгалин А., Колганов А. «Капитал» в XXI веке. Pro et contra // Вопросы экономики. — 2007. — №9.
2. Сорокин А. В. Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики. — М. : Экономика, 2009.
3. Хессин Н. В. В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1968.
4. Хессин Н. В. Проблемы теории товара и стоимости в «Капитале» Маркса. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1964.

УДК 330.13

Ключевые слова: трудовая теория стоимости, теория предельной полезности, превратные формы, товарное производство, общественное разделение труда, общественно необходимый абстрактный труд, мера стоимости, капитал, двойственный характер труда